Ольга Баранова

Путь от юриста до писателя

Живая память. Моя история

Ольга Баранова

Путь от юриста до писателя. Живая память. Моя история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73386628
ISBN 9785006930513

Аннотация

Её судьба разделилась на «до» и «после» в день, когда она услышала: «Твоя стихия – не статьи кодексов, а ветер между строк». Эта книга – не просто хроника жизни. Это путь от вопроса «кем я должна быть?» к осознанию «кто я есть». История о том, как «глыба разочарования» может стать драгоценным кристаллом, вокруг которого вырастает алмаз.

Содержание

Пролог. Тетрадь 5
Часть 1. Между параграфом и строфой 9
Часть 2 Новая жизнь 13
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Путь от юриста до писателя
Живая память.
Моя история

Ольга Баранова

© Ольга Баранова, 2026

ISBN 978-5-0069-3051-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Тетрадь

В каждом доме, где живёт история, есть вещи-хранители. Не музейные экспонаты под стеклом, а свидетели, тёплые от прикосновений. В родительском доме Ольги такой вещью была старая шкатулка. Она стояла на верхней полке книжного шкафа, в гостиной, между томами Пастернака и юридическими комментариями. Дети и внуки знали: трогать нельзя. Это – мамино. Это – бабушкино. Это – начало.

Внутри шкатулки, под слоем засушенной лаванды, лежала тетрадь. Не бархатная, первая – та куда-то запропастилась в буре переездов. А простая, в картонном переплёте цвета выгоревшей охры, с пожелтевшими от времени страницами. На первой странице, выведенным чернильным первым взрослым почерком, стояло: Стихи. Только для меня».

И ниже, карандашом, много лет спустя, другим, уставшим и мудрым почерком:

«Всё началось здесь. И всё вернулось сюда. О.

Эта тетрадь – не просто собрание юношеских виршей. Это карта местности, где развернется целая жизнь. Здесь, между наивными строчками о «первой метели» и «одиноком фонаре», уже бьётся главный нерв всей будущей истории Оль-

ги: мучительный, прекрасный разрыв между миром, каков он есть, и миром, каким он мог бы быть. Между параграфом и строфой.

На полях – совсем другие записи. Короткие, отрывистые, сделанные рукой её отца, судьи, во время её учёбы на юрфаке: «Ст. 15 – обратить внимание на противоречие с практикой!, «Хорошая мысль, но требует аргументации». И сбоку, маминой рукой: «Какая точная метафора. Сердце болит». Две вселенные уже тогда вели тихий диалог на полях её жизни. Вселенная логики, долга, чётких границ и вселенная чувства, музыки, безграничного внутреннего пространства.

Одна страница в тетради выделялась особо. Она не была исписана стихами. На ней был нарисован чернильный план-схема: «Моя будущая жизнь». Стрелочки, квадратики, возрастные отметки: 21 год – окончание университета, 23 – замужество», 24 – первый ребёнок. Всё чётко, рационально, безопасно. Словно проект здания. И тут же, через всю эту схему, будто молния, прочерчена одна фраза, написанная тем же чернильным почерком, но позже, с сильным нажимом, почти прорвавшим бумагу: А ДУША?

Эти два слова, спонтанные и отчаянные – ключ ко всему. Они – тот глухой удар сердца, который предшествует землетрясению. Они – первый тихий крик той самой «тихой гро-

зы», что зародилась в десятилетней девочке.

Эта история не о том, как стать знаменитой. Хотя слава придёт. Не о том, как найти и потерять любовь. Хотя любовь будет главным в ее жизни и главной раной. И даже не о выборе между призванием и долгом в конечном счёте, она докажет, что подлинное призвание и есть высший долг человека перед самим собой.

Эта история – о силе внутреннего голоса, который невозможно заглушить никакими, даже самыми правильными, сценариями. О том, как «гроза», созревшая в тишине детской души, однажды обрушивается на выстроенный с таким трудом ландшафт жизни, смывая фальшивые ориентиры и обнажая твердую, настоящую породу. О том, как «глыба разочарования» может стать драгоценным кристаллом, вокруг которого вырастает алмаз.

О пути, который начинается с вопроса «кем я должна быть?» и заканчивается осознанием «кто я есть». О метаморфозе, где юрист становится поэтом, где маска становится лицом, где потеря оборачивается обретением, а самая страшная боль – источником самой чистой силы.

И всё это уже здесь, в этой простой тетради. В этом детском, но таком серьёзном споре двух почерков на полях.

В этой наивной схеме, пронзённой криком души. История уже началась. Она ждёт, когда мы перевернём страницу.

Потому что каждая большая жизнь – это, в сущности, книга. С прологом, который пишут звёзды и семья. С главами, полными интриг, побед и поражений. С любовными линиями, которые могут оборваться на полуслове. И с эпилогом, который пишут уже другие – те, кто остался, и те, кто услышал.

Эта история – об Ольге. О женщине, которая нашла себя, потеряв всё, и обрела всё, найдя себя. Она о том, что наша истинная судьба – не та, что нам предначертана, а та, что мы осмеливаемся прожить.

Откройте тетрадь. Прислушайтесь к ветру между строк. История начинается.

Часть 1. Между параграфом и строфой

Ольга родилась под счастливой звездой в теплой, интеллигентной семье, где царили уют, уважение и любовь. Ее старший брат был не столько соперником, сколько первым защитником и самым преданным поклонником. Детство было похоже на солнечный свет, пробивающийся сквозь листву: безмятежное и наполненное сказками, которые читала мама и рассуждениями о справедливости, которые вел отец. Мир был безопасен и предсказуем.

Но в десять лет в этой гармоничной вселенной зародилась иная, тихая гроза. Девочка открыла для себя, что слова могут не только описывать мир, но и создавать свой собственный, полный тайных смыслов и невысказанных чувств. Начинались эти опыты с наивных рифм о животных и погоде, записанных в красивую бархатную тетрадку ее первый сокровенный дневник. Стихи были ее личной территорией, островком внутренней жизни, пока еще не требующим гражданства в мире взрослых.

Жизнь, однако, диктовала свои сценарии. Окончив школу, Ольга, не без влияния семейных традиций, ее отец был

уважаемым судьей, поступила на юридический факультет. Закон – это тоже своего рода поэзия, думала она, поэзия логики и справедливости. Она погрузилась в мир кодексов и ей это нравилось. Разум брал верх над чувством.

Карьера началась успешно. Молодого, перспективного юриста ценили за острый ум и безупречную аргументацию. Мир права казался ей четким, как шахматная доска, где любое движение можно просчитать. Но судьба приготовила ход вне правил.

Именно в коридорах суда, пахнущих пылью и тревогой, она встретила его. Его звали Роман. Их глаза встретились, когда он вошел в зал судебного заседания.

Их роман был похож на вспышку молнии в ясном небе ослепительный, оглушительный и совершенно неожиданный. Это была не просто симпатия, а встреча двух родственных вселенных. После тяжких дней в суде они часами говорили в маленьких кафе, споря о Кафке и Цветаевой, смеясь над абсурдностью некоторых дел, делясь мечтами. Он был таким же, как она: с острым лезвием интеллекта, но с душой поэта, скрывавшейся под строгим костюмом. Он первый за долгие годы попросил:

– Покажи мне свои стихи.

И она, затаив дыхание, показала. Он читал их молча, а потом сказал тихо:

– Ты занимаешься не своим делом. Твоя стихия – не статьи кодексов, а этот ветер между строк.

Они украшали время друг у друга. Поездка на рассвете к реке, когда город еще спал. Прогулки под дождем без зонтика, потому что смех согревал лучше любой одежды. Он дарил ей не цветы, а старые, редкие книги с пометками на полях, и они находили в них целые послания. Она писала ему строки, которых не стыдилась, страстные, нежные, полные признания в том, что он разбудил в ней ту самую девочку с тетрадкой. Это была любовь-откровение, любовь-зеркало, в котором она видела себя самой настоящей.

Но молния, как известно, бьет в самую высокую точку и исчезает. Его финал был таким же резким и необъяснимым, как и начало. Не было ссоры или драмы. Просто однажды пришло осознание, что их общая вселенная, такая яркая, оказалась слишком хрупкой для давления внешнего мира амбиций, карьерных обязательств, страха перед этой всепоглощающей глубиной. Он отступил, растворился, оставив после себя не пепел сожженных мостов, а холодную, тяжелую глыбу разочарования. Глыбу, в которую вмерзли все их разговоры, обещания и тот образ себя настоящей, которую

он увидел и отпустил.

Часть 2 Новая жизнь

Чтобы спастись от холода разбитых надежд, Ольга инстинктивно, как животное, ищущее укрытия, бросилась строить правильную жизнь. Такую, которую можно понять, расписать по пунктам и защитить в суде здравого смысла. Она вышла замуж за другого мужчины, который дарил ей розы по праздникам и никогда не спрашивал о стихах. Родила прекрасную дочь, а потом и сына. Она строила дом, где всё было на своих местах.

Их жизнь напоминала хорошо спроектированный, добротный дом в классическом стиле. В нем не было причудливых башенок романтических иллюзий, зато был прочный фундамент, симметричные фасады и теплое, равномерное отопление. Это была жизнь по протоколу, где главными добродетелями были предсказуемость, порядок и чувство выполненного долга.

Ее муж Сергей был не мужчиной-загадкой, а мужчиной-решением. Его любовь выражалась не в спонтанных признаниях или попытках понять глубины ее души, а в осязаемых, социально одобренных действиях: розы на 8 марта и день рождения, дорогой парфюм к годовщине, семейный отпуск раз в год на море. Он никогда не спрашивал о сти-

хах не потому, что был бесчувственен, а потому что считал это личной, возможно, легкомысленной территорией жены, в которую не стоит вторгаться, как и она не вторгалась в его рабочие дела.

Их дом действительно был местом, где всё было на своих местах. В прямом и переносном смысле.

Подъем в семь. Завтрак, где яичница или овсянка всегда идеальны. Он читает новости на планшете, она собирает детей. Вечером ужин из трех блюд (суп, второе, салат). Суббота уборка, воскресенье визит к его родителям или поход в торговый центр за нужными вещами.

Мебель качественная, из хорошего магазина, в стиле классической современности. Ничего лишнего, выбивающегося из общего гармоничного образа. Книжные полки аккуратны: его техническая литература, ее когда-то купленные, но редко перечитываемые сборники поэзии, детские энциклопедии, бестселлеры в глянцевых обложках.

Их разговоры за ужином напоминали ежедневное оперативное совещание: об успехах детей в школе, о предстоящем ремонте, о выборе новой машины, о визите к зубному. Темы были безопасны, практичны и не требовали обнажения души. Ссоры, если случались, были не из-за ревности, невысказанных обид или непонимания, а из-за несоблюдения договоренностей: он задержался на работе, не предупредив; она

потратила бюджет на что-то, что он счел нерациональным.

Рождение прекрасной дочери, а потом и сына стало кульминацией и главным оправданием выбранного пути. Ольга вложилась в материнство с тем же истовым тщанием, с каким строила свой быт. Дети были всегда ухожены, накормлены полезной едой, записаны в лучшие кружки и секции в их городе. Семейные альбомы ломились от доказательств идиллии: счастливые лица на фоне елок, морей и школьных праздников. Дети были ее главной отдушиной и смыслом, возможно, единственными, кому она пела колыбельные и читала сказки со своей, почти забытой, интонацией.

В этой идеальной жизни была тихая, но постоянная метеорология души.

Холод разбитых надежд остался за стенами. Она чувствовала себя в тепле, защищенной от житейских бурь. Это было не счастье-восторг, а счастье-спокойствие.

Иногда, чаще всего поздним вечером, когда дети спят, а Сергей смотрит телевизор, она могла стоять у окна, глядя на луну, и внутри поднималась волна немого вопроса. Но это было не о муже или детях. Это было о той Ольге, которая могла бы быть, о стихах, которые не были написаны, о страсти, которая могла бы сжечь дотла. Она быстро гасила эту волну, поправляя занавеску и идя заваривать мужу чай.

Она гордилась своим домом, детьми, своим умением держать все под контролем. Но иногда, принимая в подарок очередной букет к празднику, она ловила себя на мысли, что видит в розах не символ любви, а символ отчета. Все было правильно. Все было защищено. И от этого могло стать невыносимо тесно.

Их брак был не тюрьмой, а добровольной, благоустроенной крепостью. Ольга сама начертила его план, сама возводила стены. Сергей был надежным соратником в этом строительстве. Они вдвоем создали мир, в котором было все для жизни, кроме, пожалуй, того неуловимого воздуха, которым дышат стихи – риск, непредсказуемость, безумная красота и ранящая правда. Но от этого воздуха, как она когда-то решила, можно и замерзнуть насмерть.

Так и жила Ольга по расписанию, жизнь была спокойной и размеренной, пока беда снова пришла откуда ее не звали. Пришла весть о смерти ее бабушки, любимой бабушке. Она была единственной преданный друг, безмолвный свидетель ее жизни. Только бабушке Ольга рассказывала обо всем и получала от нее утешение. Они любили вместе пить чай с яблочным повидлом, которое закрывала бабушка. Вкуснее этого повидла Ольга ничего не пробовала.

Бабушка была тихой, но не пустой. Её молчание было на-

полненным, принимающим. Она не давала советов из серии надо бы, не спрашивала о зарплате Сергея или рейтинге детей. Она сидела в своём стареньком, но уютном кресле, вязала бесконечные носки и слушала. Просто слушала. И в этом слушании Ольга могла выговорить всё: и минутную досаду на мужа, и глупый страх, и вспышку необъяснимой тоски, и давнюю, никогда не заживающую боль тех самых разбитых надежд. Бабушка кивала, поправляла очки, и говорила что-то вроде: Жизнь-то, Оленька, она шире, чем нам кажется. Она, как мой клубок, потянешь за ниточку, а там целая история». Она была последним хранителем подлинной Ольги, той, что была до правильной жизни.

Это случилось в марте время, когда мир раздваивается: сверху уже капает весеннее солнце, а под ногами ещё лежит сырой, грязный, холодный след зимы. Именно в такой день пришёл звонок. Не от бабушки, а от отца Ольги. «Оль, бабушка умерла» – сказал тихо он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.